

К археологии
нынешних и будущих
практик освоения
философского текста:
античный
комментарий

Михаил Маяцкий

Доктор философии, научный сотрудник Лозаннского университета и школы культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: mmaiatsky@gmail.com.

Ключевые слова: освоение текста; комментарий; маргиналии; преподавание философии; платонизм; перипатетическая традиция; Александрийская филология.

История философии нередко абстрагируется от исследования конкретных материальных практик работы (одних философов) над текстом

Как люди читают философский или околофилософский текст? Ну, чтобы далеко за примером не ходить, хоть вот этот номер «Логоса»? Как, где, в каком положении? Начинают ли сразу со статей или же с аннотаций (или, не дай бог, с ключевых слов)? Читают на бумаге, в Сети, сидя, лежа, в метро, в постели, в ванне, дома, на даче, с чаем, с напитками крепости 4–6% об. или, скорее, 40 и выше? В тишине или под музыку? Так же, как «Новое литературное обозрение», или, скорее, как *Esquire*?

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00569 «История как репрезентация мужества в диалогах Платона».

(других). Между тем и в этом мы, вероятно, являемся наследниками длительной традиции. Под комментарием в широком смысле в литературе понимается вся деятельность читателя-толкователя вокруг «текста-объекта»: от маргиналий до самостоятельных книг. Его предком являются греческие *hypomnēmata*, «памятки» на полях изучаемого текста, будь то свитки или книги. От толкования сначала только трудных мест жанр развился в сторону сквозного, или построчного, комментария. В отличие от монографий (и другой «вторичной литературы»), посвященных исследованию изначальных текстов, комментарий нацелен не на смысл, а на текст (откуда многовековая тяжба между филологическим и философским комментариями), а также стремится к «нулевой степени» риторики, заведомо ограничиваясь ролью обслуживания изначального текста.

Чтобы стать объектом комментария, текст должен быть не только достаточ-но сложным и непонятным, но и автори-

тетным. Комментарий является одновременно следствием и причиной авторитета. И Платон, и особенно Аристотель sporadически занимались комментированием, что способствовало престижу самого жанра. Комментирование их самих стало на долгие века основным содержанием философствования и преподавания философии. Аристотелева «Поэтика» стала методологическим манифестом для александрийской школы, апофеозом не только античной текстологии и филологии, но и методологии комментария. Комментарий является, возможно, жанром неуниверсальным (некоторые считают, что англоязычная аналитическая философия слишком ясна и слишком антиавторитетна / авторитарна, чтобы нуждаться в комментировании) и невечным. Во всяком случае переход от бумаги к Сети, породив новые возможности для обогащения, дифференциации и упорядочивания комментариев, ставит нас перед необходимостью заново осмыслить цели, принципы и методы комментирования.

Как Канта, как Пелевина или по-другому? С ручкой / карандашом / маркером в руках, что-то подчеркивают? Кому-то (кому?) зачитывают вслух? Читают выборочно или всё подряд? За один присест или в несколько подходов? Что делают с журналом потом — ставят на полку, дают почитать (не)другу?

Теория медиа оставила здесь свой след. Идеи не переселяются чудесным образом в сознание читателя. Усвоение, понимание, толкование текста вообще и философского в частности вполне материально организуется, структурируется, и различия здесь, очевидно, не сводятся просто к индивидуальным привычкам. Если философия, как она любит утверждать, составляет своеобразное единство со своей историей, причем не столько с недавней, сколько с древней, то она не может игнорировать и древние практики обращения с философским текстом. Что мы знаем о становлении такого обращения, о его ранней истории, начиная от легендарного «начала» философии? Мы неустанно воспроизводим почтительное отношение к текстам, удаленным от нас на пару тысячелетий. А как соотносятся наши привычки освоения текста с таковыми наших почтенных предков? Как эволюционирует эта

технология при переходе в Сеть? Сегодня мы живем еще на полпути между бумагой и Сетью, а наши практики плоть от плоти бумажной культуры. Сеть пока пытается им потакать, не торопит нас от них отучить, принимает их во внимание. Мы привыкли, осваивая текст, как-то взаимодействовать с ним: класть открытую книгу обложкой кверху (что нехорошо), оставлять закладки, подчеркивать, делать отметки на полях — символами или словами; делать заметки в конце книги, если есть место; наконец, составлять конспект с личными оценками, реакциями, комментариями. Последние — больше, чем жанр, это *отношение*, со своей благородной родословной, которая восходит еще к шумерам, но по прямой и непрерывающейся линии — к греческой «памятке», непосредственному предку современного комментария.

Довольно удивительно, что практика комментирования, которой человек предается с незапамятных времен, лишь относительно недавно стала предметом интереса и обсуждения *per se*. Не считая отдельных ранних исследований¹, обширные монографии и сборники статей, посвященные истории и методологии комментария (чаще литературного, реже философского), стали выходить начиная с середины 1970-х годов². Несколько позже начали появляться обобщающие работы по разным типам паратек-

1. Geffcken J. Zur Entstehung und zum Wesen des griechischen wissenschaftlichen Kommentars // Hermes. 1932. Bd. 67. S. 397–412; Bömer F. Der Commentarius. Zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesars // Hermes. 1953. Bd. 81. S. 210–250; Pfeiffer R. History of Classical Scholarship: From the Beginnings to the End of the Hellenistic Age. Oxford: Oxford University Press, 1968.
2. Der Kommentar in der Renaissance / A. Buck, O. Herding (eds). Boppard: H. Boldt, 1975; Stillers R. Humanistische Deutung: Studien zu Kommentar und Literaturtheorie in der italienischen Renaissance. Düsseldorf: Droste, 1988; Les Commentaires et la naissance de la critique littéraire / G. Mathieu-Castellani, M. Plaisance (eds). P.: Aux amateurs de livres, 1990; Text und Kommentar / J. Assmann, B. Gladigow (eds). München: W. Fink, 1995; Commentaries — Kommentare / G. Most (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999; Le commentaire entre tradition et innovation / M.-O. Goulet-Cazé (ed.). P.: Vrin, 2000; The Classical Commentary / K. Gibson, C. Kraus (eds). Leiden: Brill, 2002; Der Kommentar in Antike und Mittelalter / W. Geerlings, C. Schulze (eds). Leiden: Brill, 2002–2004; Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия // Новое литературное обозрение. 2004. № 66; Comprendre et Commenter / J. Chabot (ed.). Aix-en-Provence: PU de Provence, 2004; Le commentaire philosophique dans l'Antiquité et ses prolongements (I, II) // Laval Théologique et Philosophique. 2008. Vol. 64. № 1, 3; Commenter et philosopher à la Renaissance / L. Boulègue (ed.). Villeneuve d'Ascq: PU du Septentrion, 2014.

ста — прежде всего по сноскам и маргиналиям³. Обобщающих исследований о *философских* маргиналиях, кажется, еще не принималось; по крайней мере, я таковых не находил.

Почти безнадежно и, вероятно, нецелесообразно пытаться дать *слишком* точное определение комментария⁴. Даже в специальной литературе, у классических филологов, папирологов, текстологов, царит рабочий беспорядок: одни исследователи употребляют в качестве синонимов термины, которые другие тщательно разводят, и призывы к терминологической дисциплине столь же часты, сколь и тщетны⁵. Нам важно иметь в виду, что комментарий понимается

- либо широко: как всегда и везде сопутствующая литературе (в том числе философской) поясняюще-толкующая форма освоения текста,
- либо узко: как локально, культурно (см. ниже) или исторически ограниченная (и вероятно, исторически обреченная) форма приобщения к тексту.

Широкое понимание включает в себя самые разные виды паратекста, узкое же чаще всего имеет в виду специфическую практику ритуализованного поклонения тексту.

В своем широком понимании, таким образом, комментарий отделен нижним порогом от карандашной линии или пометки (а то и прочерченной ногтем бороздки) на полях или между строк⁶,

3. *Stoddard R.* Marks in Books, Illustrated and Explained. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985; *Grafton A.* The Footnote. A Curious History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997; *Jackson H.* Marginalia: Readers Writing in Books. New Haven: Yale University Press, 2001; *Talking to the Text: Marginalia from Papyri to Print.* 2 vols / V. Fera, et al. (eds). Messina: Centro interdipartimentale di studi umanistici, 2002; *Reading Notes* / D. Van Hulle, W. Van Mierlo (eds). Amsterdam: Rodopi, 2004; *Owners, Annotators and the Signs of Reading* / R. Myers, et al. (eds). New Castle: Oak Knoll Press, 2005; *McNamee K.* Annotations in Greek and Latin Texts from Egypt. Oakville, CT: American Society of Papyrologists, 2007; *Notes. Études sur l'annotation en littérature* / J. C. Arnould, C. Poulain (eds). Mont-Saint-Aignan: Publications des Universités de Rouen et du Havre, 2008; *Pfersmann A.* Séditions infrapaginales. Genève: Droz, 2011.
4. *Céard J.* Les transformations du genre du commentaire // *L'automne de La Renaissance: 1580–1630* / J. Lafond, A. Stegmann (eds). P.: Vrin, 1981. P. 102.
5. *Turner E.* Greek Papyri. An Introduction. Oxford: Clarendon, 1968. P. 121.
6. Между строк могли также вписываться и некоторые комментарии, особенно глоссы (пояснения слов).

а верхним — от «монографий»⁷, работ, интерпретирующих произведение в целом и составляющих недаром так названную в разных языках вторичную литературу (*secondary source*, *littérature secondaire*, *Sekundärliteratur* и т.п.; разумеется, «вторичное» произведение может, в свою очередь, стать предметом комментария, или текстом-объектом). Между этими двумя пределами располагаются самые разнообразные и по объему, и по жанру формы паратекста — маргиналии, глоссы, схолии, заметки, записки, построчный комментарий, толкования, конспекты (*scholia*, *glossæ*, *marginalia*, *adnotationes*, *annotationes*, *animadversiones*, *explicationes*, *enarrationes*, *expositiones*, *exegetata*, *postille*, *notæ*, *exercitationes*, *observationes* и т.д.)⁸.

Своеобразной формой паратекста, несомненно, является и перевод, и его равно невозможно и не нужно четко отделять от комментария⁹. При всем разнообразии комментирующих жанров им всем общая одна черта, в принципе при всех возможных отклонениях, промежуточных, гибридных и спорных формах¹⁰ отличающая их от исследовательской, или вторичной, литературы: комментарии сфокусированы на тексте, тогда как вторичная литература — на «идеях». Поэтому если эта последняя стремится выявить и, как правило, переформулировать, перевести на метаязык¹¹ смысл произведения, даже не высказанный в тексте эксплицитно, то комментарий следует — пословно, пофразно, поабзацно — последовательности текста¹². Сходно устанавливают различие между комментариями филологиче-

7. Наиболее близкое греческое обозначение — *suggrammata* (*peri tou deina*).

8. Список здесь не может быть исчерпывающим. К делу примешивается отношение комментатора к своему труду. Иные скромники могут назвать свои заметки «писульки», «комментаришки» (*annotatiunculae*, *commentarioli*): Céard J. Op. cit. P. 102–103.

9. Rowe C. Handling a Philosophical Text // The Classical Commentary / K. Gibson, C. Kraus (eds). Leiden: Brill, 2002. P. 297n10, 304n29.

10. Так, нерешенным остается вопрос о характере папируса Девени — одни считают его *hypomnēmata*, другие — *suggrammata*: Dorandi T. Le commentaire dans la tradition papyrologique: quelques cas controversés // Le commentaire entre tradition et innovation / M.-O. Goulet-Cazé (ed.). P.: Vrin, 2000. P. 20n17.

11. Нина Брагинская говорит о «гетероглоссии» комментария по отношению к комментируемому тексту: Брагинская Н. В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Arbor mundi (Мировое дерево). Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 2007. № 14. С. 9–62.

12. Smith B. Textual Deference // American Philosophical Quarterly. 1991. Vol. 28. P. 1–2.

ским (буква) и философским (дух), напряжение между которыми составило интригу всей истории герменевтики — как религиозной, так и светской. Средневековые различало *littera*, *sensus* и *sententia*, то есть грамматическое объяснение, явное значение слов и глубокий (скрытый) смысл текста, при этом два первых назначались уделом филологической глоссы, а лишь последняя объявлялась задачей теологического или философского комментария¹³.

Поскольку вторичная литература сосредоточена на смысле, то в попытке стать конгенальной истолковываемому тексту она развивает часто имитирующую текст-объект риторику. Комментарий же и шрифтом (в Античности это обычно курсив, иногда сопровождаемый тахиграфическими, иначе говоря стенографическими, сокращениями), и стилем отличается от поясняемого текста, практикуя сухость, краткость, безыскусность.

История слова *комментарий* и его аналогов в других языках дает: *commentum* — «изобретение», «выдумка», (реже и позднее) «книга», либо в качестве перевода греческого *enthumêma*. *Commentor* означало: иметь в виду (на уме), придум(ыв)ать, размышлять, изучать, рассуждать, комментировать. Существительное *commentarium* или *commentarius* (имеется в виду *liber*) — это книга для записей/ актов, деловая книга, реестр, регистр, память, архив. Множественное *commentarii* является явным переводом греч. *hypomnêmata*¹⁴. И там и там имелись в виду лишённые риторических прикрас деловые, служебные записки, памятки, «напоминалки». Изначально они обслуживали деловую устную речь: опираясь на памятку, произносили прошение, но потом ее текст также оставляли в соответствующей инстанции, и он служил теперь «напоминалкой» для принимающих решение чиновников. Заметки-тезисы к (устному) докладу постепенно превратились в самый доклад. Но в греческой *hypomnêma* был и оттенок литературного наброска, которого не было в *commentarium'e*, что важно для понимания генезиса комментария как своеобразного литературного жанра¹⁵.

13. Céard J. Op. cit. P. 102.

14. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. P.: Klincksieck, 2001. P. 397.

15. Bömer F. Op. cit. P. 211–215. Комментарий может стать, в свою очередь, объектом комментария, см. комментарий Бозэиен порфириевой «Исагоги», то есть комментария к «Категориям». См. также: Barnes J. Metacommentary // Oxford Studies in Ancient Philosophy. 1992. Vol. 10. P. 267–281. Одну главу к своим «Мифологическим размышлениям» Александр

Почему комментарий стал «вечной» формой культурной трансляции — вопрос, скорее, к метафизике истории. Эпистемическое объяснение происхождения комментария (что, дескать, старые тексты переставали быть понятными и требовали пояснения) то и дело встречается в литературе, но оно явно недостаточно и соответствует действительности не более, чем пресловутая «объяснительная» теория мифа. Очевидно, чтобы стать объектом комментирования, мало быть непонятным; для этого автору (*auctor*) надо было обладать еще и авторитетом (*auctoritas*). Барри Смит выделил шесть условий возникновения комментария в определенной культуре: 1) текст должен быть достаточно плотным и непроницаемым или неполным или чуждым, чтобы не быть легко понятным всем; 2) язык текста должен служить внутри данной культуры предметом особого очарования; 3) точным словам автора должна придаваться ценность самим по себе (должно по тем или иным причинам считаться стоящим усилий разбираться со сложностями этих слов); 4) текст должен обладать определенной культурной, национальной или религиозной ценностью; 5) текст должен обладать определенным универсальным или энциклопедическим характером; 6) традиция или авторитет должны считаться в данной культуре верховным арбитром в оценке научных и иных утверждений¹⁶.

Комментарий как следствие авторитета, комментарий как его источник: игра легитимаций, но и не только. Для древнего аллегорического (особенно стоического) комментирования характерна модель «фигуры» (в смысле Эриха Ауэрбаха): Гомер и Гесиод выражали в виде мнения то, что мы выражаем в строгой логике. Гомер уже был стоиком *avant la lettre*. Для Зенона вообще поэт — предвосхищение философа¹⁷. Здесь мы уже недалеко от христианской реутилизации языческого наследия. Интересно, что и христианская проповедь, гомилия, является своеобразным комментарием к Священному Писанию и как таковой восходит к вполне языческому предку — моралистике начала нашей эры (разных школ —

Пятигорский озаглавил «Комментарий к комментарию». В практике социальных сетей и выражение, и феномен стали банальными.

16. Smith B. Textual Deference. P. 5. Любопытно, что автор использует эти критерии для одной весьма специфической и очень спорной задачи (мы еще к этому вернемся), но в целом с его перечнем критериев можно согласиться.
17. Lévy C. Quelques remarques introductives sur la genèse du commentaire philosophique / Commenter et philosopher à la Renaissance / L. Boulègue (ed.). Villeneuve d'Ascq: PU du Septentrion, 2014. P. 21.

киник-стоик Дион Златоуст, платоник Максим Тирский, стоик Эпиктет), часто прибегавшей к цитированию какого-нибудь «классика», чтобы фактически строить рассуждение вокруг его слова. Такие комментирующие рассуждения уже назывались *homiliai*¹⁸.

Если заслуживающим комментария оказывается текст, который в данной культуре по какой бы то ни было причине пользуется очень (или безгранично) высоким авторитетом, то сам факт комментария умножает его авторитет, подтверждая ту, по словам Борхеса, «непостижимую преданность», с которой каждая культура обращается к тому, что объявила «классикой»:

Классической является та книга, которую некий народ или группа народов на протяжении долгого времени решают читать так, как если бы на ее страницах все было продуманно, неизбежно, глубоко, как космос, и допускало бесчисленные толкования. <...> Классической, повторяю, является не та книга, которой непременно присущи те или иные достоинства; нет, это книга, которую поколения людей, побуждаемых различными причинами, читают все с тем же рвением и непостижимой преданностью¹⁹.

Что становится с комментариями к тем текстам, которые теряют харизму и перестают быть воплощением истины или богатства смыслов? Как ни странно, комментарии от этого не превращаются в прах, а становятся частью памятника — одной ошибке молодости, одному заблуждению, одному коллективному помешательству; во всяком случае памятником истории. Остается неясным, одну ли и ту же работу делают древний (по)читатель, ищущий в тексте истину, и современный комментатор и связывает ли их только оригинальный текст-объект или также и манера работы; иначе говоря, не имитирует ли (осознанно или нет) современный комментатор Гомера античных комментаторов Гомера, а комментатор Аристотеля — античных его комментаторов.

Историки называют доисторическими времена до существования письменности. Это справедливо и для философии. Философия вышла из безвестного трепа мудрецов (который может воспроизводиться где и когда угодно) в тот момент, когда ученики Пифагора, Сократа и Карнеада взяли в руки стилосы и перья. Однако письменность предшествовала и этой, простите за выражение, оральной фазе: Сократ, не оставив ни одного письменного

18. *Geffcken J.* Op. cit. S. 399.

19. *Борхес Х.Л.* По поводу классиков // Он же. Новые расследования. Соч.: в 3 т. Рига: Полярис, 1994. Т. 2. С. 157, 158.

го слова, уже читал философские тексты (и даже очень вероятно, как лишь немногие из его современников²⁰, умел делать это «про себя», беззвучно).

Как работал с текстом древний философ? Если до нас практически не дошли тексты, написанные древними, и даже непосредственные списки с них, о свитках со следами освоения текста не стоит и мечтать. От фантазий и анахронизмов мы можем подняться в лучшем случае до относительно правдоподобных предположений. Известно, что философствование с первых своих легендарных времен сопровождалось обсуждением доктрин предшественников, а затем, временами, и сводилось к нему. На полях²¹ свитков читатели оставляли свои пометки — значки или короткие тексты себе на память. Папирологии известны десятки таких текстов²² — разумеется, лишь немногие из них сохранились на свитках с философскими текстами (их самих-то осталось не так много) и сделаны они, увы, не рукой Платона или Спевсиппа. Читатель мог затем устно поделиться своими соображениями о прочитанном, отталкиваясь от своих памятков-*hypomnēmata* (видимо, не случайно, что это слово означало и пометки в тексте, и тезисы к докладу). В преподавании, в том числе и философском, употреблялись и другие выражения: учитель в своих лекциях (*praxeis*) давал общее разъяснение (*theōria*), а также диктовал или давал копировать конкретное объяснение (*leksis*) непонятого выражения или сложного места²³. Затем эти

20. См.: Knox B. Silent Reading in Antiquity // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1968. Vol. 9. P. 421–435.

21. Первоначально поля должны были служить лучшей сохранности написанного текста: они неизбежно обтрепывались и рвались первыми.

22. См.: McNamee K. Annotations in Greek and Latin Texts from Egypt. Oakville, CT: American Society of Papyrologists, 2007. P. 23. По расчетам Макнами, доля аннотированных текстов из 5431, рассмотренного ей (речь идет только о текстах, найденных в Египте), составляет 5%. Однако она сама предлагает поправки к этой статистике. Она исключила совсем скудные или стереотипные пометки, а также считает, что гораздо чаще писали на полях в учебном или ученом контексте, а значит, в городах, но именно городские фонды пострадали гораздо больше сельских. Дойди до нас Александрийская библиотека, доля свитков и книг с маргиналиями оказалась бы в ней и в совокупности сохранившихся книг гораздо выше.

23. Lamberz E. Proklos und die Form des philosophischen Kommentars // Proclus, lecteur et interprète des anciens / H.-D. Saffrey, J. Pépin (eds). P.: CNRS, 1987. P. 2 (термины Марина Неаполитанского, 2-я пол. V века н.э., применительно к Проклу).

копии, уже содержащие не весь текст-объект, а только *леммы* (то есть словосочетания или слова, нуждающиеся в объяснениях²⁴) и сами эти объяснения, или глоссы, в свою очередь, копировались и распространялись. Такие *схолии*²⁵, то есть перечни глосс, дошли до нас в немалом количестве и нередко в отсутствие текстов-объектов, пояснениями к которым они служили: в таком случае леммы оказываются единственными известными нам фрагментами текста-объекта. Пассажи, вызывавшие постоянное пристальное внимание грамматиков, оказываются дошедшими до нас в более сохранном и достоверном виде²⁶.

Конечно, о специфически «философском» комментарии можно говорить лишь в той мере, в какой сама философия обособилась от мифа, литературы и софистики. В Греции (но варианты, несомненно, существовали и в других культурах) мы находим разновидности *exêgêtai*, толкователей законов²⁷ или прорицаний оракулов. Становящаяся философия, как минимум до Платона включительно, постоянно прибегала к комментированию Гомера, деля эту практику, не брезгуя, со школьной педагогикой. Кстати, расхожим было и иерархическое представление о более почетном положении комментируемого текста по отношению к комментирующему: Гомера комментировал Платон, Платона — Аристотель, Аристотеля — Симпликий и т. д., и каждый последующий терял в *auctoritas* (не обязательно теряя в объеме²⁸). Не будет преувеличением сказать, что александрийская филология выросла из императива спасти Гомера, эту абсолютную святыню, от подделок, из стремления научиться распознавать и систематически устранять любые искажения гомеровского текста²⁹.

24. Не путать с «леммой» в лексикографическом смысле: нормальной, или словарной, формой слова.

25. Начиная с VIII–IX веков схолиями стали называть и *пространные* маргиналии.

26. Turner E. Op. cit. P. 118.

27. Барри Смит считает, что схоластический метод в теологии и философии восходит к моделям исламской правовой традиции, а промежуточным звеном мог послужить Ибн Рушд, сын судьи и сам судья, за которым закрепился титул Комментатора. Из мусульманского права почерпнута и идея консенсуса, из которой возник *communis opinio doctorum*: Smith B. Textual Deference. P. 2–3.

28. Действительно, если *Категории* Аристотеля занимают 15 страниц, а комментарий к ним Симпликия 440, то недавний комментарий к Симпликию («мета-комментарий») примерно 1500 страниц (Barnes J. Op. cit. P. 275–276).

29. Mülke M. Der Autor und sein Text: die Verfälschung des Originals im Urteil antiker Autoren. B.: de Gruyter, 2008. S. 11.

Сама технология толкования предыдущих философов была отработана и выверена на Гомере. Оно было прежде всего аллегорическим. Легендарный «первый» комментатор Гомера Феаген Регийский (вторая половина VI века до н. э.) толковал битву богов как борьбу природных стихий. Термин «аллегория» достаточно поздний, он впервые встречается у Цицерона, но уже у Платона есть «подразумевание» (*hupoïa*, буквально «под-смысл»; имеется в виду смысл *подлинный*; *Гос-во* 378d). Еще Аристотель мог искать в Гомере аллегорическое предвосхищение своей метафизики³⁰. В становлении комментария немалую (и отнюдь не достаточно оцененную философами) роль сыграла софистика, в частности вызвав к жизни *aporêmata* и *problêmata* в самом гомероведении. «Гомеровским апориям» посвятил свое раннее сочинение и Аристотель. Уже в нем заложен подход, который станет максимой александрийской филологии и последующей «философии комментаторов» (о ней чуть ниже): прояснить Гомера из самого Гомера (*Homêron ex Homêrou saphênizein*)³¹.

Датировать рождение собственно философского комментария, понятное дело, невозможно. Известно, что Гераклита — параллельно с репутацией «темного» — стали рано сопровождать и попытки его прояснить. Сначала возник комментарий к трудным местам и только века спустя — построчный, или сквозной.

Поскольку требовалось пояснение ко многим из этих [его] обрывочных афоризмов, отдельные из которых уже стали крылатыми словами, то постепенно вынужденно сложился метод построчного пояснения... форма несколько утомительная, но необходимая³².

Один из самых ранних фрагментарно сохранившихся комментариев — к платоновскому *Федону* — восходит к III веку до н. э.³³ Другой известный нам построчный комментарий восходит к рубежу эр: это анонимный комментарий к «Теэтету» (датировка колеблется от I века до н. э. до II века н. э.³⁴). Примерно в это вре-

30. См.: Laks A. Aristote, l'allégorie et les débuts de la philosophie // L'allégorie de l'Antiquité à La Renaissance / B. Pérez-Jean, P. Eichel-Lojkine (eds). P.; Genève: H. Champion / Slatkine, 2004.

31. Фраза приписывается Аристарху Самофракийскому, хранителю Александрийской библиотеки во II веке до н. э.

32. Geffcken J. Op. cit. S. 399.

33. Dorandi T. Op. cit. P. 20.

34. Hadot I. Der fortlaufende philosophische Kommentar // Der Kommentar in Antike und Mittelalter / W. Geerlings, C. Schulze (eds). Leiden: Brill, 2002. S. 183n1.

мя преподавание в философских школах греко-римской ойкумены принимает форму пояснений к тексту основателя школы — преимущественно Платона, Аристотеля, Эпикура или Хризиппа (с сильным численным преимуществом двух первых).

Уже современники Платона, например Ксенофонт, фактически использовали платоновские диалоги, пытаясь их (на свой лад, обычно неудачно) улучшить, создавая своего рода комментарий к ним³⁵. Были одноименные с платоновскими диалоги и у других сократиков, вступавших таким образом в диалог с Платоном. Очевидно, что и весь неоплатонизм вырос из комментирования к Платону, а во многом и отождествлял себя с ним: и Плотин, и Прокл считали себя просто *платониками*, без всяких *нео*-. Сам термин *sunapanôsis* для «комментирования под руководством учителя» также возник в лоне платоновской школы: так назывался (позднее потерянный) трактат Прокла.

Аристотелевская «Поэтика» была практически комментарием к риторам и поэтам, а «Софистические опровержения» — к платоновскому «Эвтидему» (и самому Эвтидему). 25-я глава «Поэтики», где Аристотель решительно отмежевывается от платоновского осуждения поэзии, стала методической основой александрийской школы. Но Аристотель был и неутомимым само-комментатором³⁶. И Теофраст, и Эвдем перенимают и развивают аристотелевское комментирование, в том числе и по отношению к самому Аристотелю, который стал объектом обширнейшего комментирования и толкования³⁷. Различия в манерах комментирования, развившиеся в лоне, соответственно, платонической и перипатетической школ были обусловлены не столько доктринальными (неоплатоники, наоборот, были склонны подчеркивать их сходство), сколько стилиевыми различиями в философствовании. Платон легче поддавался аллегорическому прочтению, в котором и сам он (по отношению к Гомеру) задавал тон и подавал пример. Что сказал бы Платон, имея он возможность (или охоту — уже тут мнения расходились) высказать свои теории эксплицитно и монологично? Таковым было парадигматическое вопрошание платоновской школы комментария. Если комментаторы Платона,

35. Geffcken J. Op. cit. S. 400.

36. Ibid. S. 403–404. Барри Смит находит самокомментирование и в Библии, и в Гомере, не говоря уже о позднейших авторах, и в целом возводит к этой практике современную сноску: Smith B. Textual Deference. P. 2. Подробнее о сноске см. бестселлер Графтона: Grafton A. Op. cit.

37. См. гигантское и близкое к завершению издание *Ancient Commentators on Aristotle Series* (ed. R. Sorabji), уже перевалившее за сотню томов.

до последних включительно, сплошь и рядом объясняют неясные или противоречивые места в диалогах тем, что Платон намеренно оставил их таковыми, то — при всех трудностях истолкования конкретного пассажа — никто из современных толкователей Аристотеля не объясняет эти трудности тем, что «Аристотель хотел здесь оставить свою мысль неопределенной»³⁸.

Что же касается Александрийской библиотеки, то здесь уже просто царила *eine Kommentar-Atmosphäre*³⁹, скорее, филологическая, но известно, например, что Клеанф, а затем его ученик Сфер комментировали Гераклита⁴⁰. Дух комментирования был настолько интенсивен в Александрии, что в ее культурной орбите расцвел жанр «ученой поэзии» — текста, настолько насыщенного аллюзиями, собственными именами и скрытыми цитатами, что необходимость последующего филологического комментария уже была как бы встроена в произведение. В этом жанре в разной степени отличились Каллимах, Феокрит, Аполлоний, Ликофон, Арат. Что же касается философии, то александрийское наследие оказалось решающим для становления той «философии комментаторов», разнообразной философской паралитературы первой половины первого христианского тысячелетия, которая послужила необходимым звеном между античной и средневековой философией⁴¹. В Средние же века комментарий стал абсолютно господствующим жанром ученой литературы, пока гуманисты (Пико делла Мирандола⁴²) не осудили его как маску бессилия мысли и как признак слепого доверия авторитетам⁴³, что отнюдь не положило конец практике комментирования.

Изучение античного комментария, считает Х.Таррант, должно стать поводом задуматься о

38. Rowe C. Op. cit. P. 300n18. В Античности, однако, Аристотель не так редко навлекал на себя подозрение в *намеренной* темноте. См., напр., (поддельное) письмо ему Александра Македонского, в котором тот якобы жаловался на непонятность; см.: Barnes J. Op. cit. P. 270–272.

39. Geffcken J. Op. cit. S. 408.

40. Диоген Лаэрт. VII, 5 и 6.

41. The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD: A Sourcebook. In 3 vols. Vol. 3/R. Sorabji (ed.). L.: Duckworth, 2004. P. 1.

42. Что не помешало ему самому выступить автором ряда комментариев. Но и средневековый, и ренессансный комментарии заслуживают, конечно, отдельного разговора.

43. Следует упомянуть и Франциско Суареса (рубеж XVI–XVII веков), считающегося первым автором метафизического сочинения, которое не было комментарием к Аристотелю.

...самой философии комментария. Какие следствия для нашей теории образования или нашей эпистемологии вытекают из того, что мы пытаемся образовывать людей, в том числе самих себя, посредством подробного изучения текстов, которым полтысячи или тысяча лет или больше? Какие допущения мы делаем по поводу статуса самих этих текстов? Означает ли это, что сами философские проблемы уже решены? Следует ли из этого, что древние были ближе к некоему пониманию, чем мы? Или предполагается, что мы совершенствуем наши ответы на вечные вопросы посредством регулярного возвращения к [древним] философам и составления к ним пресловутых «сносок»⁴⁴? Наконец, имеется ли в виду, что, извлекая то, что глубоко в них скрыто, мы тем самым можем извлечь то, что глубоко скрыто внутри нас самих?⁴⁵

Должны ли мы, можем ли мы продолжать сегодня практику комментирования? Каким будет или должен быть комментарий к сетевому изданию? Конечно же, не воспроизведением бумажного (да и какого из них, особенно если дело касается текстов, составляющих «классическое наследие», а значит, работ, много и многообразно комментированных?). Когда отпадут ограничения, связанные специфически с бумагой (недостаток места, дороговизна...), и когда сетевой комментарий *сможет* отобразить всю историю комментирования данного оригинального текста, *должен* ли он будет делать это? Автор недавнего (мета) комментария к симпликиеву комментарию *Категорий* «детально сравнил каждый абзац комментария Симпликия со всеми другими дошедшими до нас неоплатоновскими комментариями»⁴⁶, но критика (в лице, по крайней мере, Барнеса) высказала серьезные сомнения в нужности этой работы (а уж насчет того, что это неинтересно и скучно, и сомнений не возникло)⁴⁷.

Далее, какой подход предпочесть: «снятие сливок» с разных хороших комментариев или рядоположенную репрезентацию различных индивидуальных (и вероятно, когерентных) прочтений данного текста различными комментаторами? Ведь комментарий

44. Имеется в виду знаменитая заезженная цитата из Уайтхеда об истории философии как череде сносок к Платону.

45. Tarrant H. Review: Miira Tuominen. The Ancient Commentators on Plato and Aristotle // Notre Dame Philosophical Review. 19.11.2009. URL: <https://ndpr.nd.edu/news/24227-the-ancient-commentators-on-plato-and-aristotle/>.

46. *Simplicius*. Commentaire sur les Catégories. Fasc. I. Comm. I. Hadot. Leiden: Brill, 1990. P. vii.

47. Barnes J. Op. cit. P. 276, 281.

в своей эволюции также может претендовать на место в «классическом наследии». Надо учитывать и радикальный демократизм Сети: признанные специалисты и другие «проверенные товарищи», получившие статус комментаторов бумажных изданий, сменились безбрежной массой производителей «коментов». Не мог не измениться и характер комментирования: бумажное — в идеале — текстоцентрично; оно обслуживает объясняемый текст (даже тогда, когда выражает с ним несогласие); оно почтительно к его мысли, ко всей его «текстовой экономике». Сетевой «комент» (он же «камент») является более или менее нарциссичным средством самовыражения автора⁴⁸. Противопоставление это, конечно, схематично, и было бы непозволительным высокомерием утверждать, что проблема субъективности комментария ждала для своей постановки эпоху социальных сетей. Напротив, эта проблема ставилась, по крайней мере, уже в Александрии в расхожей там альтернативе *exêgêsis* — *eisêgêsis*, «вычитывания из текста» *versus* «вчитывания в текст». Эта проблема будет ставиться, обсуждаться и как-то решаться, покуда жив комментарий как жанр⁴⁹.

В интересе, который вызывает последние десятилетия комментарий, прочитывается и ностальгия, предчувствующая радикальную смену практик при переходе в Сеть. Линии здесь различны: утрата печатным словом своего привилегированного статуса; эволюция чтения и письма; рост компьютерно-сетевой компетенции, параллельный с (предположительно) ускоряющимся падением «общей культуры»; провинциализация этой «общей» (на деле греко-римско-иудейско-христианской) культуры и прирастание культурной ойкумены новыми регионами; растущая поэтому необходимость в паратекстуальных способах «ведения читателя»; обусловленные переходом от бумаги к Сети возможные утраты, но и колоссальные возможности, двояко детерминированные автоматическим поиском информации, с одной стороны, и «коллаборативным гением», с другой, и многое другое.

48. Kraus C. Introduction // The Classical Commentary / K. Gibson, C. Kraus (eds). Leiden: Brill, 2002. P. 4–5.

49. См. приверженца экспертной компетенции Роу (*Rowe C. Op. cit.* P. 302) против субъективиста Фаулера (*Fowler D. Criticism as Commentary and Commentary as Criticism in the Age of Electronic Media // Commentaries — Kommentare / G. Most (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. P. 441*). Роу сам предлагает решение: ошибочной он считает проповедь «индивидуального прочтения» не вообще, а применительно к философским текстам, а точнее, к аристотелевым, а еще точнее, к некоторым аристотелевым.

Тем, кто задается вопросом о материальности носителя и встревожен его исчезновением или виртуализацией, можно напомнить, что вся история передачи наследия состоит из чередования и сочетания двух ее видов: сохранения «оригинала» (в библиотеках, архивах) и его копирования. Для первого была важна материальная составляющая, для второго — идеальная. Трудно даже предположить, к каким потерям привело бы излишнее или исключительное настаивание на ценности оригинала. Например, в Александрии для обогащения библиотеки практиковался особого рода оброк: все проплывающие суда должны были предоставить для копирования имеющиеся на борту книги; обратно они получали копии, поскольку оригинал оседал в библиотеке⁵⁰. Сгорели поэтому, понятное дело, «оригиналы».

Является ли комментарий универсальной философской практикой? Кажется, что ответ должен быть положительным, по крайней мере касательно тех времен и народов, которые практикуют философию. Но вот известный аналитический философ Барри Смит задался вопросом, почему постлюксовская англоязычная философия не знает комментариев. Конечно, можно усомниться в правильности изначального тезиса: не знает ли? Для Смита, однако, отсутствие комментариев выступает *достоинством* и даже специфическим отличием аналитической философии, к основному англоязычному корпусу которой он добавляет определенную австрийскую, скандинавскую и польскую философию⁵¹. Только этой философии удалось освободиться от ига литературы, истории и теологии и заняться, соответственно, не словами, фактами или верованиями, а идеями. Только там, где доминирует аналитическая философия, философию не принимают всерьез (в том смысле, в котором это делают в комментирующих культурах) — и это хорошо. Другой причиной является *ясность* англоязычных философских текстов. Смит никак не поясняет тот факт (который он, впрочем, упоминает), что англоязычные исследователи охотно занимаются комментированием и древних, и новых авторов.

Этот парадоксальный бунт против комментария, напоминающий тот, который гуманисты подняли против него и схоластики

50. Goulet R. La conservation et la transmission des textes philosophiques grecs//The Libraries of the Neoplatonists/C.D'Ancona (ed.). Leiden/Boston: Brill, 2007. P.30, 31n4.

51. Smith B. Philosophieren und Kommentieren//Vernunftbegriffe in der Moderne/H.F.Fulda, R.P.Horstmann (eds). Stuttgart: Klett-Cotta, 1994.

на исходе Средневековья, недвусмысленно указывает нам на то, что комментарий не может не поменять свой характер в эпоху после конца истины и харизмы. Древний комментатор искал в «тексте-объекте» Истину. Наш горизонт чтения принципиально иной. Интерес (древнего) комментария не сводится для нас к помощи в понимании «текста-объекта» и вполне может сравниться с ценностью самого текста, ведь они оба имеют отношение к истине как артефакту. Комментарий обнажает собственный историзм куда больше, чем историзм комментируемого текста. Весь путь европейской философии учит нас, что мы не можем ограничивать интерес древнего «текста-объекта» его древними же комментариями, сколь бы ценны ни были ключи, которые они содержат. Насколько обеднели бы Гераклит без Гегеля и Платон без Наторпа? Анахронизм — та справедливая цена, которую мы должны быть готовы платить за необходимую и неизбежную постоянную актуализацию мысли прошлого.

Литература

- Barnes J. Metacommentary // Oxford Studies in Ancient Philosophy. 1992. Vol. 10. P. 267–281.
- Bömer F. Der Commentarius. Zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesars // Hermes. 1953. Bd. 81. S. 210–250.
- Céard J. Les transformations du genre du commentaire // L'automne de La Renaissance: 1580–1630 / J. Lafond, A. Stegmann (eds). P.: Vrin, 1981. P. 101–115.
- Commentaries — Kommentare / G. Most (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999.
- Commenter et philosopher à la Renaissance / L. Boulègue (ed.). Villeneuve d'Ascq: PU du Septentrion, 2014.
- Comprendre et Commenter / J. Chabot (ed.). Aix-en-Provence: PU de Provence, 2004.
- Der Kommentar in Antike und Mittelalter / W. Geerlings, C. Schulze (eds). Leiden: Brill, 2002–2004.
- Der Kommentar in der Renaissance / A. Buck, O. Herding (eds). Boppard: H. Boldt, 1975.
- Dorandi T. Le commentaire dans la tradition papyrologique: quelques cas controversés // Le commentaire entre tradition et innovation / M.-O. Goulet-Cazé (ed.). P.: Vrin, 2000. P. 15–27.
- Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. P.: Klincksieck, 2001.
- Fowler D. Criticism as Commentary and Commentary as Criticism in the Age of Electronic Media // Commentaries — Kommentare / G. Most (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. P. 426–442.
- Geffcken J. Zur Entstehung und zum Wesen des griechischen wissenschaftlichen Kommentars // Hermes. 1932. Bd. 67. S. 397–412.
- Goulet R. La conservation et la transmission des textes philosophiques grecs // The Libraries of the Neoplatonists / C. D'Ancona (ed.). Leiden / Boston: Brill, 2007. P. 29–61.
- Grafton A. The Footnote. A Curious History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.
- Hadot I. Der fortlaufende philosophische Kommentar // Der Kommentar in Antike und Mittelalter / W. Geerlings, C. Schulze (eds). Leiden: Brill, 2002. S. 183–199.

- Jackson H. *Marginalia: Readers Writing in Books*. New Haven: Yale University Press, 2001.
- Knox B. *Silent Reading in Antiquity // Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1968. Vol. 9. P. 421–435.
- Kraus C. *Introduction // The Classical Commentary / K. Gibson, C. Kraus (eds)*. Leiden: Brill, 2002. P. 1–27.
- Laks A. *Aristote, l'allégorie et les débuts de la philosophie // L'allégorie de l'Antiquité à La Renaissance / B. Pérez-Jean, P. Eichel-Lojkine (eds)*. P.; Genève: H. Champion / Slatkine, 2004. P. 211–220.
- Lambez E. *Proklos und die Form des philosophischen Kommentars // Proclus, lecteur et interprète des anciens / H.-D. Saffrey, J. Pépin (eds)*. P.: CNRS, 1987. P. 1–20.
- Le commentaire entre tradition et innovation / M.-O. Goulet-Cazé (ed.). P.: Vrin, 2000.
- Le commentaire philosophique dans l'Antiquité et ses prolongements (I, II) // *Laval Théologique et Philosophique*. 2008. Vol. 64. № 1, 3.
- Les Commentaires et la naissance de la critique littéraire / G. Mathieu-Castellani, M. Plaisance (eds). P.: Aux amateurs de livres, 1990.
- Lévy C. *Quelques remarques introductives sur la genèse du commentaire philosophique / Commenter et philosopher à la Renaissance / L. Boulègue (ed.)*. Villeneuve d'Ascq: PU du Septentrion, 2014.
- McNamee K. *Annotations in Greek and Latin Texts from Egypt*. Oakville, CT: American Society of Papyrologists, 2007.
- Mülke M. *Der Autor und sein Text: die Verfälschung des Originals im Urteil antiker Autoren*. B.: de Gruyter, 2008.
- Notes. *Études sur l'annotation en littérature / J. C. Arnould, C. Poulain (eds)*. Mont-Saint-Aignan: Publications des Universités de Rouen et du Havre, 2008.
- Owners, Annotators and the Signs of Reading / R. Myers, et al. (eds). New Castle: Oak Knoll Press, 2005.
- Pfeiffer R. *History of Classical Scholarship: From the Beginnings to the End of the Hellenistic Age*. Oxford: Oxford University Press, 1968.
- Pfersmann A. *Séditions infrapaginales*. Genève: Droz, 2011.
- Reading Notes / D. Van Hulle, W. Van Mierlo (eds). Amsterdam: Rodopi, 2004.
- Rowe C. *Handling a Philosophical Text // The Classical Commentary / K. Gibson, C. Kraus (eds)*. Leiden: Brill, 2002. P. 295–318.
- Simplicius. *Commentaire sur les Catégories*. Leiden: Brill, 1990.
- Smith B. *Philosophieren und Kommentieren // Vernunftbegriffe in der Moderne / H. F. Fulda, R. P. Horstmann (eds)*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1994. S. 857–868.
- Smith B. *Textual Deference // American Philosophical Quarterly*. 1991. Vol. 28. P. 1–13.
- Stillers R. *Humanistische Deutung: Studien zu Kommentar und Literaturtheorie in der italienischen Renaissance*. Düsseldorf: Droste, 1988.
- Stoddard R. *Marks in Books, Illustrated and Explained*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
- Talking to the Text: *Marginalia from Papyrus to Print*. 2 vols / V. Fera, et al. (eds). Messina: Centro interdepartimentale di studi umanistici, 2002.
- Tarrant H. *Review: Miira Tuominen. The Ancient Commentators on Plato and Aristotle // Notre Dame Philosophical Review*. November 19, 2009. Режим доступа: <https://ndpr.nd.edu/news/24227-the-ancient-commentators-on-plato-and-aristotle/>.
- The Classical Commentary / K. Gibson, C. Kraus (eds). Leiden: Brill, 2002.
- The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD: A Sourcebook. In 3 vols. Vol. 3 / R. Sorabji (ed.). L.: Duckworth, 2004.
- Turner E. *Greek Papyrus. An Introduction*. Oxford: Clarendon, 1968.
- Борхес Х. Л. *По поводу классиков // Он же. Новые расследования*. Соч.: В 3 т. Рига: Полярис, 1994.

Брагинская Н. В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // *Arbor mundi* (Мировое дерево). Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 2007. № 14. С. 9–62.
 Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 66.

Шичалин Ю. А. Комментарий к классическому произведению как вид учебного текста // *Проблемы школьного учебника*. Вып. 19. История школьных учебных книг / Сост. В. Р. Рокитянский. М.: Просвещение, 1990. С. 72–90.

Towards an Archaeology of Current and Future Appropriation Practices of Philosophical Texts: Ancient Commentary

Michail Maiatsky. PhD in Philosophy, Research Fellow at the University of Lausanne and the School of Cultural Studies of the Faculty of Humanities of National Research University Higher School of Economics. Address: 21 / 4 Staraya Basmanaya str., 105066 Moscow, Russia.
 E-mail: mmaiatsky@gmail.com.

Keywords: text appropriation; commentary; marginalia; teaching of philosophy; Platonism; Peripatetic tradition; Alexandrian philology.

In the history of philosophy, it is common to disregard how one philosopher works on another philosopher's text. "Commentary" in the broadest sense is currently considered to be any activity the reader and / or interpreter conducts with regard to the "text-object"—from marginal work to a scholarly work. The predecessors to "commentaries" were Greek *hupomnēmata*, or notes on the margins of scrolls. This genre evolved from serving as an explanation of the most complex passages to being a continuous, line-by-line commentary. Unlike monographs and other "secondary" works dedicated to

analysing primary literature, commentaries focus on the text itself instead of its meaning (from here stems the centuries-old debate between philological and philosophical commentary). The commentary also aims to limit itself to the role of serving the text, leaving out all rhetoric.

To become an object of commentary, a text should be difficult and unclear enough, but also authoritative. Commentary is thus both an effect and a cause of authority. Plato and Aristotle engaged in producing commentary, and this heightened the prestige of this genre. Philosophizing and philosophical teaching centered around their commentaries for many centuries. Aristotle's "Poetics" became a methodological roadmap for scholars in Alexandria. While it is possible that the commentary is not in fact a universal genre or an eternal genre, the transition from paper texts to online texts has resulted in new opportunities for the enrichment and differentiation of the commentary. This, in turn, forces us to reconsider the aims, principles, and methods of commenting.

References

- Barnes J. Metacommentary. *Oxford Studies in Ancient Philosophy*, 1992, Vol. 10, P. 267–281.
 Bömer F. Der Commentarius. Zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesars. *Hermes*, 1953, Bd. 81, S. 210–250.
 Borges J. L. Po povodu klassikov [About the Classics]. *Novye rassledovaniia*. Soch.: V 3 t. [New Investigations. Works: In 3 vols], Riga: Poliaris, 1994.
 Braginskaia N. V. Kommentarii kak mekhanizm innovatsii v traditsionnoi kul'ture i ne tol'ko [Commentary as a

- Mechanism of Innovation in Traditional Culture and Beyond]. *Arbor Mundi* (Mirovoe derevo). *Mezhdunarodnyi zhurnal po teorii i istorii mirovoi kul'tury* [Arbor Mundi (World Tree). Comparative Studies in Culture International Journal], 2007, no. 14, pp. 9–62.
- Céard J. Les transformations du genre du commentaire. *L'automne de La Renaissance*: 1580–1630 (eds J. Lafond, A. Stegmann), Paris, Vrin, 1981, P. 101–115.
- Commentaries—Kommentare* (ed. G. Most), Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1999.
- Commenter et philosopher à la Renaissance* (ed. L. Boulègue), Villeneuve d'Ascq, PU du Septentrion, 2014.
- Comprendre et Commenter* (ed. J. Chabot), Aix-en-Provence, PU de Provence, 2004.
- Der Kommentar in Antike und Mittelalter* (eds W. Geerlings, C. Schulze), Leiden, Brill, 2002–2004.
- Der Kommentar in der Renaissance* (eds A. Buck, O. Herding), Boppard, H. Boldt, 1975.
- Dorandi T. Le commentaire dans la tradition papyrologique: quelques cas controversés. *Le commentaire entre tradition et innovation* (ed. M.-O. Goulet-Cazé), Paris, Vrin, 2000, P. 15–27.
- Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*, Paris, Klincksieck, 2001.
- Fowler D. Criticism as Commentary and Commentary as Criticism in the Age of Electronic Media. *Commentaries—Kommentare* (ed. G. Most), Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1999, P. 426–442.
- Geffcken J. Zur Entstehung und zum Wesen des griechischen wissenschaftlichen Kommentars. *Hermes*, 1932, Bd. 67, S. 397–412.
- Goulet R. La conservation et la transmission des textes philosophiques grecs. *The Libraries of the Neoplatonists* (ed. C. D'Ancona), Leiden, Boston, Brill, 2007, P. 29–61.
- Grafton A. *The Footnote. A Curious History*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1997.
- Hadot I. Der fortlaufende philosophische Kommentar. *Der Kommentar in Antike und Mittelalter* (eds W. Geerlings, C. Schulze), Leiden, Brill, 2002, S. 183–199.
- Jackson H. *Marginalia: Readers Writing in Books*, New Haven, Yale University Press, 2001.
- Knox B. Silent Reading in Antiquity. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 1968, Vol. 9, P. 421–435.
- Kommentarii: sotsial'naia i istoriko-kul'turnaia refleksii [Commentary: Social and Cultural Historical Reflection]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2004, no. 66.
- Kraus C. Introduction. *The Classical Commentary* (eds K. Gibson, C. Kraus), Leiden, Brill, 2002, P. 1–27.
- Laks A. Aristote, l'allégorie et les débuts de la philosophie. *L'allégorie de l'Antiquité à La Renaissance* (eds B. Pérez-Jean, P. Eichel-Lojkine), Paris, Genève, H. Champion / Slatkine, 2004, P. 211–220.
- Lamberz E. Proklos und die Form des philosophischen Kommentars. *Proclus, lecteur et interprète des anciens* (eds H.-D. Saffrey, J. Pépin), Paris, CNRS, 1987, P. 1–20.
- Le commentaire entre tradition et innovation* (ed. M.-O. Goulet-Cazé), Paris, Vrin, 2000.
- Le commentaire philosophique dans l'Antiquité et ses prolongements (I, II). *Laval Théologique et Philosophique*, 2008, Vol. 64, no. 1, 3.
- Les Commentaires et la naissance de la critique littéraire* (eds G. Mathieu-Castellani, M. Plaisance), Paris, Aux amateurs de livres, 1990.
- Lévy C. Quelques remarques introductives sur la genèse du commentaire philosophique. *Commenter et philosopher à la Renaissance* (ed. L. Boulègue), Villeneuve d'Ascq, PU du Septentrion, 2014.
- McNamee K. *Annotations in Greek and Latin Texts from Egypt*, Oakville, CT,

- American Society of Papyrologists, 2007.
- Mülke M. *Der Autor und sein Text: die Verfälschung des Originals im Urteil antiker Autoren*, Berlin, de Gruyter, 2008.
- Notes. *Études sur l'annotation en littérature* (eds J. C. Arnould, C. Poulain), Mont-Saint-Aignan, Publications des Universités de Rouen et du Havre, 2008.
- Owners, *Annotators and the Signs of Reading* (eds R. Myers, et al.), New Castle, Oak Knoll Press, 2005.
- Pfeiffer R. *History of Classical Scholarship: From the Beginnings to the End of the Hellenistic Age*, Oxford, Oxford University Press, 1968.
- Pfersmann A. *Séditions infrapaginales*, Genève, Droz, 2011.
- Reading Notes* (eds D. Van Hulle, W. Van Mierlo), Amsterdam, Rodopi, 2004.
- Rowe C. Handling a Philosophical Text. *The Classical Commentary* (eds K. Gibson, C. Kraus), Leiden, Brill, 2002, P. 295–318.
- Shichalin Iu. A. Kommentarii k klassicheskomu proizvedeniiu kak vid uchebnogo teksta [Commentary on Classical Work as a Type of Educational Text]. *Problemy shkol'nogo uchebnika*. Vyp. 19. Istoriiia shkol'nykh uchebnykh knig [Problems of School Textbook. Iss. 19. The History of School Books] (ed. V. R. Rokitsanskii), Moscow, Prosveshchenie, 1990, pp. 72–90.
- Simplicius. *Commentaire sur les Catégories*, Leiden, Brill, 1990.
- Smith B. Philosophieren und Kommentieren. *Vernunftbegriffe in der Moderne* (eds H. F. Fulda, R. P. Horstmann), Stuttgart, Klett-Cotta, 1994, S. 857–868.
- Smith B. Textual Deference. *American Philosophical Quarterly*, 1991, Vol. 28, P. 1–13.
- Stillers R. *Humanistische Deutung: Studien zu Kommentar und Literaturtheorie in der italienischen Renaissance*, Düsseldorf, Droste, 1988.
- Stoddard R. *Marks in Books, Illustrated and Explained*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1985.
- Talking to the Text: Marginalia from Papyri to Print*. 2 vols (eds V. Fera, et al.), Messina, Centro interdipartimentale di studi umanistici, 2002.
- Tarrant H. Review: Miira Tuominen. The Ancient Commentators on Plato and Aristotle. *Notre Dame Philosophical Review*, November 19, 2009. Available at: <https://ndpr.nd.edu/news/24227-the-ancient-commentators-on-plato-and-aristotle/>.
- Text und Kommentar* (eds J. Assmann, B. Gladigow), München, W. Fink, 1995.
- The Classical Commentary* (eds K. Gibson, C. Kraus), Leiden, Brill, 2002.
- The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD: A Sourcebook*. In 3 vols. Vol. 3 (ed. R. Sorabji), London, Duckworth, 2004.
- Turner E. *Greek Papyri. An Introduction*, Oxford, Clarendon, 1968.